

— ИЛЬЯ ФАЛЬКОВСКИЙ —

ВОЛОДЯ, ВАСЯ И ДРУГИЕ

ИСТОРИИ СТАРЫХ
КИТАЙСКИХ ИНТЕЛЛИГЕНТОВ,
РАСКАЗАННЫЕ
ИМИ САМИМИ

Илья Фальковский

**Володя, Вася и другие. Истории
старых китайских интеллигентов,
рассказанные ими самими**

«Алетейя»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Фальковский И.

Володя, Вася и другие. Истории старых китайских интеллигентов, рассказанные ими самими / И. Фальковский — «Алетейя», 2018

ISBN 978-5-906980-73-1

Правление Гоминьдана, японское вторжение, социалистические преобразования, «культурная революция», реформы Дэн Сяопина – об этих и других событиях рассказывают герои книги Ильи Фальковского, прошедшие через жернова истории и сумевшие выжить. Все они – бывшие и нынешние профессора-русисты, подарившие китайскому читателю русскую классику и составившие словари русского языка. Несмотря на годы запрета на изучение русского языка в КНР, они пронесли любовь к нему через всю жизнь. Рассказы старых китайских интеллигентов автор чередует с заметками о собственном существовании в Китае и о попытках проникновения в чужую культуру, иногда забавных, иногда печальных, но всегда познавательных.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906980-73-1

© Фальковский И., 2018

© Алетейя, 2018

Содержание

Вступление	6
Профессор Володя[1]	11
Вкус друга	29
Ректор Вася[2]	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Илья Фальковский
Володя, Вася и другие: истории
старых китайских интеллигентов,
рассказанные ими самими

Памяти С. М. Третьякова (1892–1937) – поэта-футуриста, преподавателя русского языка и литературы в Пекинском университете в 1920-е гг., автора поэмы «Рычи, Китай!», сборника очерков о Китае «Чжунго» и первого романа в стиле биоинтервью «Дэн Шихуа».

Спасибо за помощь моей жене Зое Суй.

© И. Фальковский, 2018

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2018

* * *

Вступление

Я несусь по третьему уровню автострады.
По бокам меня обступают коробки домов.
Зажимают меня в тиски.
Поворот, ещё один.
Я вырываюсь на просторы.
Впереди ослепительными улыбками сверкают громады небоскрёбов.
По улицам несутся мириады людей.
Их засасывает в пасти Uniqlo и Giordano, они проваливаются в бездну KFC и «Макдоналдсов», бьются за место в очередях за айфонами и айпадами.

Район «Новый город Чжужэцзян». Гуанчжоу

Время не поспевает за ними.
У кого мне узнать о прошлом?
Я спросил своего китайского студента Мишу, читал ли он классический роман «Путешествие на Запад».
– Конечно, читал, – кивает он.
– Все четыре тома? – удивляюсь я.
– Я смотрел сериал, – гордо заявляет он.
– Но ведь смотреть сериал – это не то же самое что читать книгу! – восклицаю я.
– Разве? – спрашивает он.
Я стою перед пагодой Ифа. Она такая миниатюрная, что, казалось бы, можно взять её с собой и унести домой. Под ней, по преданию, погребены волосы шестого патриарха чань-

буддизма Хуэйнэна. Много лет назад, будучи первокурсником, я читал его «Сутру помоста». Теперь я живу неподалёку. Когда-то давно я мечтал найти Китай Хуэйнэна, Китай мудрецов и искателей истины. Но найду ли я его?

Пагода Ифа. Гуанчжоу

Как я был счастлив, когда устроился на работу в университет и встретил своих стариков! Они – чудом уцелевшие осколки истории. Носителями культуры в Китае всегда были считанные единицы. До Синьхайской революции 1911 года подавляющее большинство населения страны было безграмотным. Образование считалось уделом очень обеспеченных людей. Только они могли себе позволить пригласить домашнего учителя, какого-нибудь бывшего студента, провалившего экзамен на чиновника. У богатых семей существовали также собственные академии – здание одной из них, академии клана Чэнь в Гуанчжоу, превращено в музей и известно многим туристам. Учеников в них готовили к государственному экзамену. Сдача экзамена тоже превращалась в дорогостоящее предприятие – сам он был бесплатным, но нужно было иметь достаточно средств на дорогу, жильё, бумагу и кисти. Все, кто проходил экзамены, делились на четыре ранга: туншэн, сюцай, цзюйжэнь и цзиньши. В конце XVIII-го века на страну с трёхсот-миллионным населением приходилось всего около 3 000 людей, получивших высшую учёную степень – цзиньши. В XX веке в Китае расцвела европейская система образования. Постепенно она заменяла традиционную конфуцианскую систему. Подвижником образования был мыслитель Тао Синчжи. Он провозгласил единство преподавания, учёбы и практики. Наш ректор преклоняется перед ним. Ректор любит цитировать слова Тао Синчжи: «Сколько ни учи, главное, научить человека стремиться к совершенству. Сколько ни учишься, главное, научиться, как стать настоящим человеком». Тао Синчжи создал Китайское общество содействия образованию простолудинов.

Но в годы «культурной революции» университетское образование выжигалось калёным железом, а интеллигенты уничтожались. Мало кому удалось пройти через эти мельничные жернова и выжить.

Сегодня ситуация изменилась к лучшему. В мировых рейтингах вузов восемь китайских университетов входят в топ-200, а тридцать – в топ-500. Но в то же время всего 4 % населения имеют высшее или среднее специальное образование. Часто меня ставит в тупик диковатое поведение какого-нибудь местного жителя. Но всякий раз я напоминаю себе, что основное население городов – это недавние сельчане, многие из которых не окончили и школу. Среди нынешних нуворишей таких большинство. Они путешествуют по миру, селятся в дорогих отелях, шумят, плюются и раскидывают повсюду мусор. И те, кто с ними сталкивается, именно по такому среднему китайцу зачастую судят обо всём народе.

Не про таких ли персонажей писал древнекитайский философ Мэн-цзы: «Когда досыта питаются, тепло одеваются, живут в хороших условиях и не подвергаются воспитанию, тогда приближаются к животным»?

Я вспоминаю своего знакомого, владельца ресторана деликатесов. Там подают к столу блюда из диких животных, чьё мясо официально запрещено к употреблению в пищу, например ящера (панголина) или живущей на деревьях циветы. Он не знает ни одного иероглифа, поэтому, чтобы запомнить заказ, рисует изображение птицы, рыбы, черепахи и т. д.

Однако есть и другие. Об их существовании я поначалу не подозревал. Но теперь, через восемь лет жизни в Китае, мне повезло с ними познакомиться.

Я вхожу в подъезд своего дома в кампусе. На лестнице встречаю Эдди, преподавателя английского языка. Он абсолютно гол.

– Эдди, что с вами? Вам надо одеться.

– Мне пришёл новый имейл. Не знаете, что там было написано?

– Эдди, понятия не имею. Но вам лучше одеться.

Эдди явно сошёл с ума. Он безумен.

«Эдди сбрендил, бедный Эдди», – эти слова сами собой жонглируют в моей голове, крутятся по кругу.

Не знаю, чем помочь ему.

– Оденьтесь и заходите ко мне. Вместе посмотрим ваш имейл.

Эдди явно не внял моему совету. Я узнаю, что на следующий день американца, бесцельно бродящего по кампусу в чём мать родила, увольняют.

В Университете иностранных языков, где училась моя жена, говорят, что Стюарт, пожилой профессор из Оксфорда, несколько тронулся рассудком. Все знают, что он снимает свои зарплаты с карточки и прячет их под кровать.

– Банки – это опасно, очень опасно, – доверительно шепчет он каждому встречному. – Лучше хранить деньги дома.

Но Китай – не Россия. Здесь привыкли держать деньги в банках. Поступок Стюарта выглядит, мягко говоря, странным.

Наконец его деньги исчезают. Стюарт вызывает полицию. Камера наблюдения на подъезде не зафиксировала ничьего вторжения в дом. Полиция говорит, что Стюарта ограбил кто-то из своих. Окно душевой комнаты выходит прямо на лестницу. Через него можно легко залезть в квартиру Стюарта.

Другой преподаватель английского, Ричард, начинает безудержно сорить деньгами. Покупает пиво ящиками.

– Ричард, не вы ли ограбили Стюарта? – полушутливо спрашивает у него кто-то из коллег.

– Да, я! – отвечает Ричард и заливается хохотом.

После чего сам идёт сдаваться в полицию. При этом танцует и мурлычет песенки себе под нос.

Что происходит с иностранцами в Китае? Почему у них не выдерживают нервы? Неужели и меня ждёт участь Эдди, Ричарда и Стюарта?

Катер несёт меня по воде. Мы огибаем остров. Пара хищных грифов выныривает из-за утёса. Кружат над моей головой. Видят, что добыча слишком крупна для них, и поворачивают обратно.

Я хочу попасть на восточную часть острова. Вчера я шёл туда по единственной здесь дороге, но военные с автоматами преградили мне путь. Их часть базируется в лесу посреди острова. Пришлось возвращаться ни с чем. Гостиниц здесь нет, я переночевал во времянке контрабандистов. Они предложили переправить меня на восток в кузове грузовика, развозящего воду, или обогнуть остров на лодке. Трястись в кузове мне не приглянулось. Не ровен час военные с автоматами решат проверить грузовик, откроют двери кузова – а тут я валяюсь, свернувшись калачиком, среди ящиков с водой. Но главное – в кузове душно. Я выбрал путь по воде.

Мы причаливаем к берегу. Хозяин улыбается мне. На его задубевшей от солнца коже годы вырубали сетку тропок-морщин. Но он по-прежнему бодр. На ночь уходил в плавание с рыбаками. Раньше они продавали в Гонконг топливо. Но таможенники конфисковали их корабль. Они по-прежнему плавают в Гонконг без виз и паспортов. Но теперь торгуют рыбой с лодок. Хозяин остаётся ждать меня на берегу.

Я показываю рукой в сторону навеса:

– Вы можете поспать здесь. Я вернусь через пару часов.

Он снова улыбается. Я иду вверх по дорожке. Продираюсь сквозь заросли тропических растений, колючки кустарника, подтягиваюсь, держась за ветви деревьев, нити лиан, гибкие стволы молодого бамбука. Вижу перед собой крышу заброшенного бункера. Когда-то японцы испытывали здесь бактериологическое оружие. Разводили обезьян для опытов. Японцы ушли, а обезьяны остались. Размножились, и теперь их в стае несколько тысяч. Я люблю обезьян, а они в Китае редкость. Раньше на юге их водилось много, но теперь почти всех съели, обезьянье мясо – деликатес. Они остались только в труднопроходимых местах. Я ищу обезьян. Слышу вдали их крики. Я иду вдоль ручья. Жара нестерпима. Футболка взмокла от пота. Я хочу искупаться в ручье. Сажусь на обточенный водой гладкий камень. Со всех сторон несутся вопли цикад. Они сливаются со звуком воды. Я растворяюсь в ровном потоке звука. Наступает тишина.

Остров Данган

Этот остров – одно из последних мест в нашей провинции, ещё не тронутых цивилизацией. Я остаюсь один. Один на один с самим собой. Я сижу на камне и прислушиваюсь. Мне кажется, я начинаю слышать. Я слышу лёгкий шум дыхания Хуэйнэна.

Профессор Володя¹

Я сижу напротив профессора Володи в его квартире в университетском общежитии. Профессор улыбается щербатым ртом, в котором недостает доброй половины зубов. Профессор купил хлебопечку и испёк хлеб к моему приходу. Профессор показывает мне, как работает хлебопечка. Я ничего не понимаю в её устройстве, но из вежливости киваю. Профессор радуется как ребенок. Ещё он заквасил капусту вместе с огурцами в одной бадье. Вкус и у капусты, и у огурцов необычайно кислый, непохож на привычный мне. Ем я их с трудом, но из той же вежливости нахваливаю его произведения.

– Похожи на русские? – спрашивает профессор.

– Похожи, похожи, – киваю я с набитым ртом.

Профессор смеётся и хлопает в ладоши. Профессор истово и бескорыстно любит Россию. Я ем тёплый белый хлеб, намазывая его сливовым вареньем, и морщась, закусываю кислыми огурцами и капустой. Сегодня у профессора счастливый день. Я нашёл его Тамару. Но об этом я расскажу после. Сегодня, наслушавшись его рассказов о молодости, о годах «культурной революции», я решил их записывать. С самого начала, с его детства.

У меня было счастливое детство. Мой родной отец работал в Гоминьдане. Он был небольшим начальником. Мой приёмный отец – его прямой начальник, генерал Лю Шан. У Чан Кайши было четыре звезды, у Лю Шана – три. Когда мне было два с небольшим года, Лю Шан часто видел меня. Он сказал отцу: «О, какой мальчик, симпатичный, умный! Отдай его мне!». Мой родной отец не посмел ослушаться. И подарил меня. Так я попал в дом приёмного отца.

В его доме работало много нянь. Две китайские старухи, три девушки. Все безграмотные. Отец пригласил мне в няни русскую старуху. Ей было шестьдесят пять или шестьдесят шесть лет. Она жила в Харбине. Когда началась антияпонская война, она вместе с китайскими студентами убежала из Харбина в Пекин. У неё был друг, коммунист, он был героем войны, воевал с японцами. Приёмный отец попросил его: «Можно, она поступит ко мне работать учительницей моего сына?». Так она пришла к нам. Её звали Елена Ивановна Чинцова. Во время вашей революции её родители убежали из России в Харбин. Её папа до революции был помощником министра финансов.

У няни было много достоинств. Она говорила по-французски, хорошо рисовала, играла на пианино. Поэтому я сейчас немножко говорю и понимаю по-французски, но читать не могу. Был у неё только один минус – она почти не говорила по-китайски. Папа часто уезжал на войну с японцами. Я всё время проводил с ней. Поэтому умел говорить только по-русски. До пяти лет совсем не разговаривал на китайском. Однажды папа вернулся и позвал меня к себе на колени: «Сынок, иди сюда! Как ты поживаешь? Как твоё здоровье?». Я совсем не понимал, что он говорит. Я закричал: «Не понимаю, что ты сказал!». А он не понимает по-русски. Он закричал: «Не понимаю, что ты говоришь!». И я кричу: «Не понимаю, что ты говоришь!». Так и кричали оба. Тогда он позвал няню: «Сюда, сюда, что он сказал?». Няня: «Он сказал, что вас не понимает». После этого он пригласил ко мне учителем китайца – седоусого старика-учёного. Так что постепенно я заговорил по-китайски. Через день по два часа учился у него китайскому языку. Но русский язык остался со мной на всю жизнь. Это няня дала мне имя Володя.

Мой приёмный папа любил хорошо покушать. У него было четыре известных повара. Один сычуаньский, другой из Пекина, Тяньцзинь, третий из Хуайян, Цзянсу, четвёртый

---

¹ Профессор Не Циу.

хунаньский. Мне нравилось вместе с ними готовить пищу. Часто на кухне смотрел, как они что-то делают. Один повар сказал мне: «Когда вы вырастаете, тоже будете работать поваром». Я сказал: «Нет, не буду. Но я же должен сам кушать. Если я сумею готовить на свой вкус, это будет хорошо». Однажды я попробовал резать картошку. Это трудно. Сразу порезал палец. Когда папа вернулся домой, он спросил: «Это что такое?». Я сказал: «Это я сам...». Он: «Нет!». Крикнул повару: «Сюда!». Повар, придя, сказал: «Он был в кухне и попробовал готовить». Папа сразу достал пистолет и наставил на него: «Если будет у тебя так делать, я тебя пристрелю!». С тех пор я могу готовить разные вещи. Могу накормить пятьдесят – шестьдесят человек гостей. Но резать ничего не могу.

У нас был большой дом. Я тренировался в саду. Там было шестнадцать деревянных столбов, и я по ним бегал. Пока горела курительная палочка, я должен был обежать по этим столбам сто кругов. Каждое утро я пел в саду. У приёмного отца было три жены. Первая казалась мне пожилой, ей было уже лет сорок, она всё время молилась. Дети были только у неё. Вторая приехала из Харбина вместе с няней, студентка, ей было лет двадцать восемь. Она учила меня математике. Третья, самая молодая, лет двадцати пяти, пекинская артистка, учила меня петь. Поэтому я тоже артист, играл в пекинской опере. Я был руководителем пекинской оперы в нашем институте. Когда мне было девятнадцать лет, я играл роль девушки Цуй Ин Ин в опере «Си Сян Цзи». Очень хорошо играл. Мы везде играли. Никто не знал, что это мужчина. Однажды во время перерыва я отдыхал в гримёрке. Зашли три студентки: «Ой, какие цветы красивые!». Я сказал: «Не ваши!». Они сразу, как услышали голос: «Ааа, это же мужчина!». Ещё один аспирант Харбинского технического университета прислал записку: «Кто играет эту роль в “Си Сян Цзи”?». Ему написали мое имя. Он считал меня девушкой и написал мне три любовных письма. Я от души хохотал. Тогда наш ректор посоветовала: «Иди, встретиться с ним. Скажи, что ты не девушка. Но можешь стать его другом». Я пошёл на свидание, и мы подружился. При встрече он сказал: «О, очень хорошо выступали, такая красивая девушка, а оказалось, это юноша!». А потом, за год до окончания института, этот друг прыгал с вышки в бассейн.

Там было мелко, он не заметил и разбился. Я плакал тогда. Он был единственный сын у матери.

Шестьдесят лет спустя на прошлогоднем юбилее нашего университета я вышел на сцену и пел со студентами. Хорошо получилось. И выглядел неплохо. Как молодой. Как вы считаете?

Я рос в период антияпонской войны. Родители всегда воевали с японцами. Говорят, Гомиьндан не воевал с японцами, это неправда. Своими глазами я видел тех героев, кто воевал и кто погиб. Японские самолеты нас бомбили по десять – двадцать раз в день. Однажды мы поехали с няней в город за покупками. Зазвучал сигнал тревоги. Мы побежали в деревню. Спрятались в одном доме. Там человек пятьдесят сидело. Хозяйка была злая, кричала: «Каждый день ко мне ходите! Шумно!». Няня сказала: «Володя, пойдём отсюда». Мы вышли на улицу. Там вокруг много деревьев было. Отошли, наверное, метров на тридцать. Сразу бу-у-ум! Взрыв. Я обернулся. Дома нет. А на дереве висят ноги, головы. Все пятьдесят человек погибли.

Я считаю, японцы самые злые в мире. Я никогда не забуду их дел. Когда я вижу их флаг, сразу сержусь. Скоро будет семьдесят лет, как закончилась война. Я часто рассказываю моим студентам, какой она была на самом деле.

У нас в доме работала одна старуха. Она убирала дом и разбила очень дорогую вазу, инкрустированную золотом. Она заплакала. Я спросил: «Бабушка, почему плачешь?». Она: «О, я умру, я умру...». Я: «Почему?». Она: «Я разбила вазу». Я тоже заплакал. Она сказала: «Если хозяин узнает, меня убьёт». Мне было жалко её. На полу валялись осколки. Я взял один и вот здесь порезал руку. До сих пор видно, остался шрам. Крови много было. Сначала я думал, если я скажу, что это я сделал, отец не так сильно рассердится. Но крови очень много было.

Я плакал. Громко. Папа проснулся. Встал: «Что с тобой?». Я сказал: «Я разбил эту вазу». Вот так... Папа сказал: «Ничего, ничего, ничего... Не плачь. Купим тебе ещё, другую».

Бабушка подумала: ой, какой мальчик добрый. Однажды её сын приехал к нам забрать свою мать домой. Японцы уже ушли. Перед своим отъездом она мне сказала: «Володя, сейчас я скажу тебе что-то. Только никому, никому нельзя сказать. Скоро я поеду домой. А ты скоро закончишь начальную школу. Ты должен знать: хозяин Лю – не твой родной отец». Я взвился: «Что, что, что?». Она сказала: «Хозяин – это твой приёмный отец. Родной отец – в другом городе живёт». Я сказал: «Это неправда! Я не верю тебе». Она сказала: «Это правда, но никому не говори. Когда тебе было два года с лишком, ты приехал к нему». Я знал, что мой отец очень хорошо относится ко мне. Ещё ближе, дороже, чем к своим родным. И не верил. Но она сказала, что это правда. Она сказала, как зовут моего родного отца. Сказала, что мама родная жива, тоже в другом городе. Она так серьёзно, тихонько, говорила, что я поверил. А после этого я такой хмурый, скучный был... Я всё время думал: «Как так? Как?». Ох... Скоро приёмный отец заметил, что мальчик стал такой хмурый, скучный. Всё время о чём-то думает. Много раз спрашивал меня: «Почему? Что с тобой, мой сынок?». Я не стерпел и заплакал. И рассказал ему то, что бабушка мне рассказала. Тогда она уже уехала домой. Он внимательно слушал. Потом долго думал. И мне прямо сказал: «Мальчик, я давно думал, что ты будешь знать. Но не думал, что это произойдёт сейчас. Думал, ты будешь знать, когда станешь взрослым. Но хорошо... Она рассказала, кто твой родной отец?». Я ему сказал, что я хочу видеть своих родителей. Он сказал: «Хорошо». Через, наверное, полмесяца один человек с женой – тогда ему было лет сорок – приехали. Незнакомые. Его жена так пристально на меня смотрела и даже плакала. Я удивился и спросил: «Папа, кто они?». А он сказал: «Вот это твои родители». У моего приёмного отца жизнь была хорошая. Мы были богатыми. А у этих мужчины с женщиной одежда была простая. Я не верил, что это мои родители. А мама плакала. И я подумал: «Да, может быть». Я ничего не сказал и убежал в сад. У нас хороший большой сад был. В саду было озеро. Я сидел на берегу у камня и думал: «Это что такое?». Не верил...

Ещё через, наверное, несколько дней родная мать снова приехала. В главные ворота она не смогла войти. У нас были западные ворота в сад. Она тихонько прошла, села в кухне. Другая служанка сказала мне: «Вот, мама пришла». Я спросил: «Чья мама?». «Твоя мама». Я спросил: «Где?». «В кухне». Я прошёл в кухню. Она там сидела и плакала. Она сказала: «Сынок, это из-за твоего отца. Он всё время слушает своего начальника. Начальник дал приказ. Он выполнил. Я тогда не согласна была с ним. Я всё время думала, что тебе грустно тут. Переживала». Я тоже плакал. Она сказала: «Ну как, поедем домой, сынок? Хотя у нас не такая богатая семья. Ещё бабушка живёт с нами. Ей семьдесят лет, ходить трудно. Не могла сюда приехать». Я сказал, что подумаю.

Сад чиновника Юйюань. Шанхай

Однажды приёмный отец весёлый был: «Володя, иди сюда, садись!». Позвал сесть к нему на колени. Тогда мне уже лет одиннадцать было. Очень любил меня. Я сказал: «Папа, я хочу ехать в другой город». Он сразу понял. Он спросил: «Хочешь жить с ним?». Я сказал: «Да». «Я не верю, – сказал он, – они бедные. У них ничего нет. А у нас всё есть. Ты привык к нашей жизни. Если ты поедешь, как жить будешь?». Я сказал: «Всё-таки я хочу видеть бабушку. Она живёт с ними, ей скучно». Он сказал: «Ну ладно!» Подарил мне золото, ещё много денег, я не знаю, сколько-точно. Дал машину, выделил двух служащих, и мы поехали. А сам уехал в командировку. Когда мама увидела чемодан с подарками, удивилась, как там много золотых вещей. Приёмный отец говорил другим: «Пусть он едет! Скоро он захочет вернуться! Он у нас очень хорошо живёт, а там бедная семья. Никак не сможет жить». Он так думал. Но бабушка и мама были очень добрые. Наверное, я только десять дней провёл в своей семье, а приёмный отец уехал в провинцию Шаньдун. Он тогда работал губернатором провинции Шаньдун. И мы потеряли связь с ним. У мамы осталось много денег, золота. Тогда, до революции, у нас в городе было много капиталистов. Один возьмёт у мамы, к примеру, сто юаней, через год вернет сто двадцать. Год было всё хорошо. А потом этот капиталист пропал. В то время была огромная инфляция. Сейчас у нас жэньминьби, а тогда в обращение ввели бумажный «золотой юань». Сегодня хлеб стоит десять юаней, завтра пятнадцать, а послезавтра вообще двадцать. Гоминьдан передумал и ввёл «золотой юань», а потом и его заменил на «серебряный юань». И этот капиталист тихонько убежал. Мы стали бедными. Родной отец куда-то уехал. Мы остались с бабушкой и матерью. Мама помогала другим стирать белье и шить, чтобы прокормить меня с младшим братом и бабушку. Тогда, в 1947 году, мы чуть не умерли от голода. Бабушка умерла. Мама со мной и младшим братом везде искала отца. Потом она узнала, что он живёт в одном городе далеко от Уханя. Мы с трудом нашли его. Мой родной отец был нехороший человек. Завёл там другую жену, временную. Он считал мою маму некрасивой, неграмотной. Меня он тоже совсем не любил – потому что в детстве я не жил с ним. Я его тоже не любил. До сих пор

во сне я часто ругаю его. Мы поехали к нему и жили с ним два года. В 1949 году народная армия освободила большую часть Китая. Мы убежали в провинцию Сычуань, в Чэнду. После освобождения Чэнду отца не поймали, он сам перешёл в народную армию и служил там два года. Его простили и горячо приняли. Некоторые другие начальники Гоминьдана тоже перешли в народную армию. После освобождения Китая в школе я не учился. Мы жили вместе с отцом в военном гарнизоне. Там было много детей бывших начальников Гоминьдана.

Володя в молодости

Потом мы вернулись в родной город. Когда мне было девятнадцать лет, я участвовал в экспроприации. У помещиков было много земли, власти отбирали её и делили между крестьянами. Я в этом участвовал. Секретарь партии города подумал: такой юноша, умный, активный, пошлём его в университет. Я поступил в Институт иностранных языков в Харбине. По-русски говорил свободно, но только не читал. Был такой случай. У нас в институте почти все были русские – повара, врачи, медсёстры. Даже уборщицы русские. Одна старуха мыла пол. Я шёл в туалет. А какой мужской, какой женский – не знал. Я не читал тогда. Я спросил эту старушку: «Бабушка, будьте добры, скажите, пожалуйста, где мужская уборная, а где женская». Она рассмеялась: «Молодой человек! По-русски так свободно говоришь, а даже не знаешь, где мужская, а где женская». – «Не знаю». – «Не читаешь?». – «Я неграмотный». – «Вот это чудеса! Студент свободно говорит по-русски, но не читает!». – «У меня была няня русская, но я не читал тогда». Она очень удивлялась: как так?..

А моя няня, после того как японцы ушли, поехала в Харбин. Там жили её младший брат, жена брата и племянницы. Она мне сказала: «Володя, не забывай меня. Я поеду домой. Мы победили. Японцы уже ушли. Меня ждут мои родные». Я плакал, плакал. Она сказала: «Володя, никогда не забывай, что у тебя есть русская бабушка. Россия – это моя родина. Хотя сейчас Советский Союз, но моя родина – Россия. Мои родные – русские. Не забывай никогда русский язык». Я сказал: «Хорошо».

«Надо считать русских своими родными», – сказала няня. Она дала мне такой наказ. Я сказал: «Бабушка, я никогда не забуду русский язык и русских, Россию». Я сказал ещё: «Когда я стану взрослым, поеду в Россию. Если представится возможность, буду жить у них. Я ваш язык знаю. Русские, как вы, добрые, хорошие, прямые. У меня теперь характер русского». Вот такое чувство всегда со мной. В прошлый раз, когда мы с ректором ездили в Москву, в первом университете, где мы были, сидели и разговаривали со старушками-профессоршами. Когда я услышал голоса этих старушек, сразу вспомнил мою бабушку. Я плакал, не мог говорить.

Во время «культурной революции» Советский Союз был против Китая. Много бойцов посылали в Читу. У нас думали, что Советский Союз будет воевать с нами. Я тогда был уверен, что этого не будет. Русские всё время относятся к нам хорошо, считают своими братьями и воевать с нами никогда не будут. Я тихонько это рассказал моим родным и друзьям. Не беспокойтесь, этого не будет. Трения между Китаем и Советским Союзом, я считаю, это только трения между Мао Цзэдуном и Хрущёвым. Только между начальниками Советского Союза и КНР. Начальник Советского Союза хочет стать вождем и Советского Союза и Китая. А Мао Цзэдун тоже так думает. Борьба между ними, а между народами нет никаких трений и борьбы. Дружба между народами России и Китая нерушимая, навек.

После окончания института я сразу стал переводчиком специалистов из Советского Союза. Своими глазами видел, как они самоотверженно работали. Они очень заботились о нас, о строительстве Китая. Я работал на заводе тяжёлого машиностроения в городе Фулаэрди, недалеко от Харбина. Очень большой завод. Его спроектировали с нуля, потом поставили и отрегулировали разные машины. Было больше ста специалистов, их жёны и дети жили там в гостинице. Такая хорошая гостиница, с садом. Я работал со специалистом по фамилии Рудин, он был из Москвы. Ему почти шестьдесят лет было. Он делал проект. Он хорошо относился ко мне, потому что я свободно говорил по-русски, и интонация была как у русских. Вторым специалистом был Иван Афанасьевич Мосин. Он был из Свердловска, с тамошнего завода тяжёлого машиностроения. Он приехал с женой и дочкой Тamarой. Ей тогда было десять лет. У них был ещё сын, тоже Володя. Он не приехал в Китай, учился в Свердловске. Жена Мосина считала меня своим сыном. Тогда у нас уже был голод. Каждый день выстраивались большие очереди. Мосин видел их и спросил меня: «Володя, за чем это?». Я сказал: «За продуктами». – «Почему?». – «Потому что мало продуктов. В месяц дают только четырнадцать килограммов хлеба, не хватает». И каждый день он ловил меня: «Володя, идём в гостиницу ужинать». Каждый день. Когда он был с женой в командировке в Пекине, она купила шапки – одну для своего мужа, одну для меня. Одна – дорогая, хорошая, а другая – простая, дешёвая. Хорошую дала мне, а дешёвую, простую – своему мужу. Она сказала: «Володя, я считаю, ты мой сын. А там, у нас дома, – твой брат Володя».

Когда Хрущёв поссорился с Мао Цзэдуном, консульство Советского Союза в Харбине велело специалистам в три дня вернуться домой. Все убежали. Мосина сказала: «Володя, терпи, когда я приеду домой, pošлю тебе продукты». Через год я уже работал в Гуйлине, в Гуансийском педагогическом университете. Близко отсюда, два часа на поезде. Такой голод был. Люди пухли. Каждое утро мы ходили на базар за овощами. Часто видели: лежат один-два трупа, это крестьяне умерли от голода. В другой раз – шесть-семь. Если какой день не видишь, удивляешься, почему сегодня нет. Вот какой был голод. И она мне присылала посылки. Большой ящик, почти десять килограммов. Мука, сахар и другие продукты. Я человек такой: дру-

гие преподаватели тоже голодные. Каждый раз я варил еду, раздавал другим. Одному миску, другому – не меньше десяти. Кушайте, пожалуйста. Как раз, когда третья посылка должна была прибыть в Гуйлинь, я поехал в командировку в Харбин. У нас был преподаватель Андрей. Полукровка, мама – русская, папа – китаец. Сейчас ещё жив. Он украл посылку. В кабинете лежала записка с почты, что пришла посылка. Он её взял: «Володя попросил забрать», – и понёс на почту. Пришёл домой, стал есть. Когда я вернулся домой, сотрудник в кабинете сказал мне, что пришла третья посылка, Андрей её забрал. Я сразу к нему: «Андрей, сотрудник сказал, так, мол, и так». Он: «Нет, нет, не знаю!». Я: «Обманиваешь меня?». Он сердился: «Нет, вот лежит записка». Я опять спросил: «Андрей, ну ты что, получил посылку?». Он: «Нет, нет». Я с этой запиской поехал на почту. Они смотрели, смотрели: «Да, всё правильно, посылку забрали». Я опять к нему: «Я уже на почте был». И тогда он признался: «Да, Володя, сын у меня чуть не умер от голода. Я получил посылку. Когда мой родственник пришлёт мне посылку, я верну». Вот какой ужас был. А Мосина, когда послала третью посылку, ехала на трамвае. Упала, сломала левую ногу. Лежала в больнице. А потом нельзя было писать письма. Нам дали приказ, что нельзя с ними связываться. Она умерла.

Я такой декан, я люблю родину, люблю народ. Теперь можно сказать, что пока я люблю Си Цзиньпина. А дальше, если я буду жив, посмотрю, что он будет делать. Сейчас по телевизору больше никогда не говорят: «великая Коммунистическая партия, великий вождь!». Великий, великий – больше этого слова нет. Если сейчас произнести слово «великий», это прозвучит как шутка. Все будут смеяться. Они сами не называют себя великими. Слишком много ошибок сделали. Когда в 1961 году этот голод был, много-много людей умерли. Вначале сказали, из-за плохой погоды. Но у нас территория огромная. Плохая погода в каждом году бывает. Но не бывает, чтобы во всём Китае была плохая погода. Потом сказали, что нужно было вернуть деньги Советскому Союзу. Они солгали. Так почему случился голод? Руководитель одного города отчитался: у нас муки тысяча цзиней. Другого: а у меня муки две тысячи цзиней! Третьего: а у меня пять тысяч! А на одном му невозможно вырастить столько риса. Они все просто надеялись на повышение. Мао Цзэдун виноват. Он был крестьянином. Он хорошо знал, сколько цзиней можно вырастить на одном му.

Однажды я отправился в командировку в Пекин, вошёл в вагон в Харбине. Поезд ехал из Москвы в Пекин. В вагоне сидели несколько специалистов китайского языка из Чехословакии. Один из них увидел, что вошёл молодой китаец, сразу сел рядом, разговаривал со мной по-китайски. Я его спросил: «Почему вы приехали к нам?». Он достал из сумки «Народную газету». Там был снимок: три человека танцевали на горе риса. Как так можно? Потом я понял, что там, в рисе, просто стоял стол. Мальчики танцевали на столе.

Ну хорошо, начальник сказал, сколько он собрал риса с одного му. А рис надо сдавать государству. Пропорционально. Из каждых ста цзиней – двадцать. Но тот, который сказал, что у него несколько тысяч цзиней, он же обманул. Что ему делать? Всё равно придётся отдавать это количество. Пришлось сдавать не только собранный рис, но и невзошедшие зёрна. Всё равно не хватало. А на следующий год что взрастёт без зёрен? Поэтому начался голод. Около Гуйлиня умерли триста тысяч крестьян, а в Китае около миллиона. Почему? Кто ответит за это?

Когда после освобождения заговорили, что Гоминьдан не воевал с японцами, я сразу понял, что эти руководители лгут. Мы почти каждый год воевали. Они говорили, что Чан Кайши спустился с гор, чтобы сорвать персики. Это значит, что не он сажал дерево. Я сразу понял, что это за партия. Тогда мне было пятнадцать лет. Я решил никогда не интересоваться политикой. Политика здесь, я там. Поэтому и стал интеллигентом. Профессором.

В этот день мы пришли к профессору вместе с моей дочкой от первого брака. У школьников уже начались летние каникулы, дочка приехала ко мне отдохнуть. Я рассказал профессору, как нас обманула семья моей китайской жены Зои. В выходные мы были у них в гостях. На столе стояли разные блюда – рыба, кальмары, курица,

салат из «битого» огурца с медузой. Но с особым удовольствием Зоин отец поглощал чёрное мясо.

– Что это? – спросил я.

– Баранина, – объяснила Зоя, – но невкусная. Мне не нравится.

Я сказал Зоиной маме:

– Ваша дочка считает, что баранина невкусная. А папа вон как уплетает.

– Вкусная, вкусная, – закивала мама. И они наперебой с папой стали предлагать баранину, пододвигать её к нам. Я не ем мяса. А моя дочка попробовала. Ей понравилось. Зоя начала ей подкладывать кусочки. Все новые и новые. Так они вдвоём с Зоиним папой и умяли всю тарелку. И вот, когда на следующий день мы вернулись в кампус, речь зашла о том, что едят китайцы. Дочка спросила Зою, правда ли, что женщины для здоровья поедают слепых новорожденных щенков.

– Да, – сказала Зоя и зачем-то добавила: – Трёх в месяц. А ты хотела бы попробовать?

– Ну, можно, – задумчиво протянула дочка.

– Ну, если честно, ты уже пробовала собачатину. Вчера это была не баранина, а собака.

Бог знает, зачем они нас обманули. Наверное, стеснялись при иностранцах есть собаку. Думали, что нам это не понравится. Вот и сочинили про баранину. Но из природного гостеприимства решили угостить. Или им стало жалко нас, глупцов, которые не едят собак. Ведь они такие вкусные.

Я рассказывал всё это профессору. Он от души смеялся.

– Они плохие, – показал он пальцем в сторону Зои. – Они едят собак. Мы, буддисты, не едим собачье мясо. Мы считаем, что собака – это через сто лет вернувшийся в дом дух родственника.

– А вот нобелевский лауреат Мо Янь в своей книге «Страна вина» вообще пишет, что китайцы едят детей. Это правда? – как бы в шутку задал я давно мучивший меня вопрос.

– Да, правда, – неожиданно легко согласился профессор. – В 60-е, во время голода, в провинции Хубэй ели детей в деревнях. Как было то... Своих ведь есть жалко. Вот и менялись с соседями. Говорили, давайте мы вам своего отдадим, а вы нам своего...

А ещё был такой случай. У моего соседа жена пошла на рынок. Приходит, а там неожиданно пампушки продают с мясом. Она купила, принесла домой. Поели с мужем. Очень вкусно! Она ещё за пампушками пошла. Входит в эту палатку, а там никого нет. Прошла дальше, на кухню. Там мужчина готовит. Она говорит: «Вот такие вкусные пампушки, пришла ещё купить!». Он улыбается. А сам нечаянно рукой крышку котла задевает. Она отодвигается. Жена соседа заглядывает внутрь – а там такой большой желудок и женская грудь отрезанная.

Профессор помолчал.

– Голод был страшный. У нас даже рис не рос. Один гаолян. Я отправился за рисом далеко. За две тысячи километров. Весил я тогда 107 цзиней (53,5 килограмма – *И. Ф.*), а мешок риса купил в 124 цзиня (62 килограмма – *И. Ф.*), на себе таскал. Несколько раз падал. Люди мне помогали его нести. Привёз домой детям. Мы с женой сами не ели, только дети. Когда они ели, мы на них смотрели и были более счастливы, чем они сами.

Вот недавно к моей дочке подруга приходила. И дочка говорит, что купила платье на распродаже. Так оно стоит две с половиной тысячи юаней, а удалось за восемьсот взять. Потом подруга ушла. Я говорю: «Дочка, и ты считаешь, это

дёшево? Вот на мне футболка за десять юаней». Дочка говорит: «Папа, зачем ты унижаешь себя? Ведь у тебя есть деньги, ты можешь купить себе всё что хочешь». А зачем мне это нужно? Ведь у меня было всё что хочешь. Когда я был переводчиком, носил дорогой английский костюм. А сейчас я уже старый. Мне скоро уходить. Мне ничего не нужно.

Когда советские специалисты уехали на родину, мы, переводчики, остались без работы. Я стал преподавателем русского языка сначала в Харбинском техническом университете, потом в Гуансийском педагогическом университете. В 1964 году правительство запретило преподавать русский язык по всей стране. Опять остался без работы. До этого в Китае в средних школах и университетах из иностранных языков преподавали только русский. Некоторые профессора английского языка, старики и старухи пятидесяти, шестидесяти, семидесяти лет пошли в наш институт в Харбине, чтобы заниматься русским языком. Учили алфавит «а, б, в...».

После запрета преподавать русский язык начальство отправило меня на факультет английского языка изучать английский. Я просидел в классе три дня, потом сказал жене: «Больше туда не поеду». Она спросила: «Почему?». Я сказал: «У преподавателя произношение хуже, чем у меня». Дело в том, что в детстве, во время антияпонской войны, рядом с нами жил один американский лётчик. Я с ним вместе играл в футбол. И немножко говорил по-английски.

Потом, во время «культурной революции», не было никаких занятий. Так как мой отец служил в Гоминьдане, меня лишили права свободно передвигаться. Мой сосед, директор библиотеки нашего института, тайно дал мне ключ: «Володя, вот ключ от библиотеки. Теперь там никто не занимается. Всё заперто. Иди, читай то, что ты любишь». Тогда американские передачи нельзя было слушать. Если слушаешь – значит ты контрреволюционер, тогда в тюрьму, расстрел. Как же быть? Я смотрел в книгу: «эй, би, си, ди...». Благодаря русскому языку читал: «а, в...». Учил постепенно, тихонько. Было очень трудно. Читал, читал. Читал все грамматики английского языка. Хотел знать больше, но не мог продвинуться. Когда разрешили перемещаться по стране, я поехал к своей сестре, которая жила и работала в Пекине. Побывал в Пекинской библиотеке. Нашёл там книгу, толстую, – русский написал английскую грамматику. Он написал английскую грамматику на русском языке. Я знал русский язык и немножко английский. Папа этого автора был послом в Англии. Он родился в Англии и в детстве жил там. Конечно, он хорошо знал английский язык. Дома разговаривали по-русски, так что он хорошо знал и русский. Потом он вернулся домой и написал для русских эту английскую грамматику. Очень хорошо написал. Вот так и я по его примеру написал английскую грамматику на китайском языке. Моя книга была третьей английской грамматикой в Китае. Я написал восемь частей. Сейчас готовлю девятую книгу.

Первая моя девушка – русская. Когда я окончил институт, я даже не знал, что такое любовь. Когда я работал переводчиком, у нас была одна специалистка, русская женщина. Её специальность – литейщик. Её звали Зоя Соколова. На наш китайский вкус – красивая. А на вкус русских – некрасивая. Русские любят высокий нос, а у неё нос был невысоким. Немножко смуглая, но волосы светлые. Стройная. Родом с Украины, из Киева. Ей тогда было чуть больше тридцати лет, старше меня на десять лет. Незамужняя. Она меня полюбила. Мы вместе танцевали. Однажды она сказала: «Володя, если ты хочешь, я могу остаться в Китае работать, с тобой буду жить». Я испугался. Она была старше, я не любил её. Девушки тогда за мной табуном ходили. Я иду впереди, а за мной десять девушек. Как петух какой-то. Друзья меня так и прозвали: Петух. Я тогда ни на кого не обращал внимания.

Я преподавал русский язык в Гуансийском педагогическом университете. Я там работал шесть лет. Наш факультет был создан в 1958 году. Все преподаватели были молодые. Мне тогда было, наверное, двадцать шесть или двадцать семь лет. Я преподавал, а моя будущая жена была моей студенткой. Она моложе меня на семь лет. В молодости она была очень красивой. Самой красивой в университете. Я тогда преподавал только студентам третьего курса. Она училась на

этом курсе. Я ей преподавал. Молодых преподавателей было много, человек тридцать. Большинство из них ухаживали за ней. Я за ней не ухаживал. Я не хотел жениться, пока не стану профессором. Мне нужно было заниматься вместе со студентами во время их самостоятельных занятий после ужина. Если у них были какие-нибудь вопросы, они могли их мне задавать. Тогда многие девушки хотели выйти замуж за молодых преподавателей. Чтобы они не ухаживали за мной, когда кто-то входил, я делал вид, что пишу письмо. Однажды одна девушка спросила: «Что вы пишете?». – «Это секрет». – «Подруге письмо?». – «Ага». – «Где она?». – «Она в Харбине». Я делал так, чтобы они не мешали мне. Но постепенно они заметили, что это обман. Будущая жена через свою подругу передала мне, что хочет со мной подружиться. Я подумал: эта девушка хорошо занимается, молодая, красивая, самая красивая в университете. Её тогда называли «цветок университета». Мы вместе не гуляли, преподавателю со студенткой неудобно. Только ходили в кино. Когда начиналась картина и становилось темно, она приходила и садилась рядом. А когда кино заканчивалось, она уходила, до того как включали свет. А через год те преподаватели, которые ухаживали за ней, писали про меня дацзыбао. Конечно, они меня не любили. Они видели, что она стала моей подругой, и им было неприятно. Я всю жизнь считаю Россию своей второй родиной. Русские – хорошие люди. И вот во время «культурной революции» те преподаватели, что ели разные вещи, которые русская мама послала из Советского Союза, писали в дацзыбао: «Володя – шпион Советского Союза. Он сын Хрущёва. Он написал письмо, в котором сказал, что у нас голод. Поэтому они послали ему посылку».

Одним словом, они искали кость в яйце. Я просто смеялся: «Это всё обман!». А потом секретарь коммунистической партии вместе с помощниками переписали эти дацзыбао и отправили руководству компартии нашего факультета. Там был один сотрудник отдела безопасности, который посчитал, что это вообще не документы, а ерунда, и убрал в ящик. А года через три пекинское правительство отправило меня в другой город работать. Тогда как раз началась «культурная революция». И этот сотрудник передал бумаги в отдел безопасности, чтобы они отправили их в мой новый институт. Они открыли этот ящик и посмотрели: «А, это не документы, так, непонятно что». Но в это время как раз появились «правый», «левый уклоны», меня объявили «правым уклонистом». Написали, что моя мама – помещица, писали дацзыбао: «Помещик, убирайся домой!». Я увидел эти дацзыбао и очень рассердился: «Ага, помещик! У меня ничего нет, никакой земли!». Я сорвал их со стены и разорвал. Все видели. Это считалось очень серьёзным проступком. Я поехал в отдел безопасности города. Я спросил начальника: «Они говорят, моя мама – помещица. Вам тоже это известно?». – «Нет. Теперь везде беспорядок». Я спрашивал начальника нашего отдела безопасности: «Зачем так писать? Начальник городского отдела не знает, что моя мама – помещица». Он сказал: «Там написано». – «Где?». – «Вот в этом ящике. Нам послали из Гуансийского педагогического института». На следующий день я поругался с ними, схватил коробку и понёс в общежитие. Я был так сердит, почти безумен. Положил эти бумаги в таз и сжёг их. Хунвейбины пришли ко мне с обыском. Они сказали, что я сжёг документы отдела безопасности. Это значит, что я контрреволюционер. Тогда я поехал в Гуйлинь, в свой старый институт. Пришёл к директору. Спросил его: «Что за документы вы послали?». Он: «А, да это ерунда». К секретарю факультета иностранных языков: «Что там такое?». – «Ерунда». Начальник отдела безопасности тоже сказал, что ерунда. Все они так сказали. Я сказал: «Тогда напишите, что это за документы». Они написали: «Эти дацзыбао – ерунда, не документы отдела безопасности. Володя не контрреволюционер». Поставили печать. Я положил бумагу в карман и вернулся в Тайюань. Показал им бумагу. Они: «Извините». Извините...

А через год образовались две группы. В одной те, кто принимал политику Коммунистической партии. В другой те, кто был против. Когда я приехал в этот институт, ректор в столовой делал доклад о «культурной революции». В этом институте я никого не знал. Я думал, Коммунистическая партия и Мао Цзэдун проводили эту революцию, чтобы укрепить партию. Я

стоял на стороне коммунистов. А через год другие захватили власть: преподаватели и студенты – хунвейбины. Тогда они объявили меня контрреволюционером. Я снова поехал в Гуйлинь. Хотел доказать, что я не контрреволюционер. Они поехали за мной в Гуйлинь и там схватили меня. Всё время говорили: «Это неправильно, то неправильно». Я ругал их: «Неправильно? Вы обманщики!». И в это время я на полу спал. Никто не занимался тогда, уроков не было, только революция. Меня не в тюрьму тогда отправили, а в институте заперли, в пустом кабинете. Окно, за ним дерево. Бумаги раскиданы. Я спал на полу три месяца. Били меня: «Шпион Советского Союза!». Я говорил: «Нет, я не шпион». – «Ты был переводчиком специалистов Советского Союза!» Я сказал: «Начальник мне приказал. Это моя работа». – «Начальник тоже шпион Советского Союза!». Они не знали, кто начальник. А моим тогда начальником был отец Си Цзиньпина. Но я им не сказал. Во время «культурной революции» отец Си Цзиньпина провёл в тюрьме десять лет. На директора нашего института надели шутовской колпак. Я рядом с ним был тогда, тоже в колпаке. Чуть не умер. Били меня. Каждый день давали только кукурузные пампушки – одну, потом ещё одну. Все время голодный был. Иногда на собрания выводили. «Шпион, шпион, шпион», – всё время ругали. Чуть не сошёл с ума.

Один порвал на мне рубашку. Я его обругал: «Подожди, придёт время, и купишь мне хорошую рубашку!». Они хотели найти эту бумагу, где было написано, что я уничтожил не документы, а ерунду. Я лежал на полу и думал, как быть, куда спрятать эту бумагу. Если они у меня её отберут, то будут говорить, что я уничтожил документы, и тогда ничего не поделаешь. Потом я порезал тубик с зубной пастой и выдавил всю пасту в туалет. Спрятал бумагу в тубик. Никто не заметил. Они сказали: «Поехали обратно в Тайюань!». – «Хорошо». – «Собирайся!». Они думали, что увидят её, когда я буду собирать вещи. Я сказал: «У меня нет вещей». Стучали по полу, чтобы её найти. Они не могли догадаться, что эта бумага в тубике. Спросили, где она. Я сказал: «Вон, в туалете, я вчера уже её использовал». Когда вернулись в Тайюань, снова меня мучили, за то, что я уничтожил важные документы. Думали, что этой бумаги уже нет. И тогда я показал её на собрании перед всеми. Но больше всего меня мучили не хунвейбины, а те преподаватели, у кого у самих родители – помещики или были расстреляны, или те, кто реально исповедовал «правый уклон». Чтобы выгородить себя, они мучили меня. Я показал бумагу и опять спрятал на груди. Это моя жизнь. Если хотите взять её, пожалуйста, режьте меня. А потом те преподаватели, которые овладели властью и стали руководителями революционного комитета, исключили меня из института. Они писали в городское управление, чтобы меня отправили в шахту добывать руду.

Когда меня заперли, ещё заставляли трудиться. Преподаватели-хунвейбины следили за мной. Когда я после работы ложился спать, они кричали: «Володя, иди за водой!». Шёл к колодцу за водой. А я слабый, голодный, сил мало. Один раз пытался поднять ведро, упал, разбил голову об ведро. Однажды они сказали: «Володя, тебе скучно, мы знаем. Но смиришься». – «Как смириться?». – «Вот вывинти лампочку из потолка и вставь туда пальцы». И я понял, что им больше нечего придумать, как меня дальше мучить. Я смеялся: «Дальше у вас дороги нет, чтобы меня мучить. Пока на горе есть лес, будут дрова». Я считал, если я выживу, у меня будет хорошее будущее.

Я сказал городскому начальнику: «Это неправильно. Я не поеду копать уголь». И он вдруг сказал: «У тебя есть ноги. Иди куда хочешь. Мы не будем мешать».

Во время «культурной революции» Мао Цзэдун думал, что Советский Союз будет с нами воевать, поэтому наш институт переехал далеко в горы. Я поехал оттуда в правительство провинции. Оказалось, что моё имя уже вычеркнули из институтской домовой книги. А без выписки из этой книги нельзя было купить хлеб. Показал свою бумагу начальнику палаты образования. Он сказал, пока моё имя не впишут обратно, другие преподаватели тоже не смогут получать хлеб. Значит, всё-таки есть хорошие люди и среди коммунистов. А ночью ко мне постучались два преподавателя. У одного из них отец – помещик – был расстрелян, другой сам

был «правый уклонист». – «Надо добавить твоё имя в книгу». – «Почему?». – «Без тебя мы не можем получить хлеб». Я опять хохотал. Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним.

А потом в конце «культурной революции» они писали на красном плакате: «Извините, Володя, мы виноваты». А до этого каждый месяц давали мне только тридцать юаней. Не было заработка. А тут ещё и компенсацию дали – две тысячи юаней. Тогда я был как сумасшедший. Ходил по всему институту показывал деньги и смеялся: «Ха-ха-ха, я победил!». Потом руководитель их революционного комитета сказал: «Володя гордый. Почти сумасшедший. Я всё время его ругал. Он здесь, я ругал его. Он там, я ругал его. Он на собрании, я ругал его.

Я сдаюсь».

Вскоре Министерство сталелитейной промышленности собралось строить завод в Ухане. Понадобился переводчик английского языка. Мой знакомый стал заместителем министра этого министерства и направил меня с женой в Ухань. И мы стали переводчиками. Три года мы там работали. Тогда Мао Цзэдун умер. И всё хорошо было. Когда построили завод, собрались ехать в Шанхай строить другой завод. А я уханец. Я попросил ректора института, где я учился, написать её другу, тоже ректору, чтобы меня оставили в Ухане преподавателем английского языка. Потом я стал профессором английского языка. После выхода на пенсию я поехал в Россию. Работал переводчиком русского языка. Когда я вышел на пенсию и первый раз оказался в Москве, на Красной площади коммунисты проводили митинг против происходящего. Тогда уже власти и Советского Союза не было. Много народа там было, шумно. Мой друг сказал: «Профессор, власть пала, а это коммунисты протестуют». Я очень удивлялся: как так?..

Но всё-таки я верю, что партия была хорошая. Только руководители плохие. Так и в Советском Союзе, и Китае было. А большинство коммунистов Советского Союза и Китая – хорошие люди. Я так считаю. Я тогда на митинге хотел вместе с ними тоже гулять, но друг не разрешил... Там молодые были.

Я написал Тамаре Мосиной: «Я скоро поеду домой через Свердловск. Я привезу подарки тебе». Тамара ждала меня на перроне. Было только три часа утра. Ещё темно. Поезд останавливается, я выхожу из вагона. Никого нет. Потом вижу вдали: человек. Я закричал: «Мосина!». Сразу подбежала ко мне: «Володя!». Плакала. Я тоже плакал. «Ты стал такой солидный, я не узнаю тебя». Я отдал ей подарки и сказал: «Тамара, я опоздал. Мама умерла, папа умер». Я спросил: «Тамара, ты вышла замуж?». – «Да. Муж нехороший. Весь день пьяный. Не работает. Мы уже разошлись». Она мне рассказала, что теперь уже не Свердловск, а Екатеринбург. Я не запомнил тогда. Я сказал: «Тамара, когда будет возможность, приезжай к нам в гости». – «Хорошо». Я спросил её: «“Брат” где?». Она сказала, что он сейчас работает где-то. После этого «брат» мне написал письмо.

А потом я несколько лет работал переводчиком в Москве, Владивостоке, Чите, Томске. Очень был занят. И потерял с ней связь.

Потом моя родная мать заболела, и я вернулся домой. Она вскоре умерла. Внук учился в средней школе, я ему помогал.

Преподавал английский язык. И когда он поступил в американский университет и поехал в Америку, дочка попросила меня приехать в Гуанчжоу. Мне было неохота ехать. Этот город мне не нравится. Жарко. Пицца невкусная. Дочка сердилась: «Мой сын – это тоже твой внук! Не хочешь за ним ухаживать! Помогать мне не хочешь!». Я сказал: «Хорошо, поеду. Но два условия: никто мне не будет мешать, если я захочу уехать, и мы будем жить отдельно, не с вами». Она сказала: «Хорошо». И сейчас я живу в соседнем с ней корпусе.

Я решил помочь профессору найти Тамару. Мой друг родом из Екатеринбурга. Его родственник служит в полиции. Он передал мне адрес и телефон Мосиных. Сказал, что квартира записана на её сына. В юности он был судим, сейчас работает на Уралмаше. А о самой Тамаре никаких сведений нет. Может быть, она уже умерла. Так что я звонил, слегка нервничая. К телефону подошла женщина.

– Я звоню из Китая, – сообщил я. – Скажите, пожалуйста, как найти Тамару Мосину?

– Это я, – ответила она.

От неожиданности я на секунду зашнулся. Потом перевёл дух и спросил:

– Вы помните китайца Володю?

– Конечно, помню. Что с ним?

– С ним всё в порядке. Он будет звонить вам.

– Я буду ждать, – ответила Тамара.

На следующий день я дал её номер профессору.

– Наберите вы, – попросил он.

Я набрал номер и передал ему трубку.

– Тамара! – кричал в трубку профессор и плакал. – Как «брат»? Как ты живёшь? Я летом поеду в Россию! Мы отправляем студентов на стажировку. Может быть, в Свердловск! Я приеду! Мы обязательно увидимся!

После разговора он долго не мог придти в себя. Выходил в ванную сморкаться, снимал там очки и вытирал слёзы. Потом наконец успокоился. Снова стал улыбаться. Казался счастливым и умиротворенным. Мы продолжили наш разговор.

Я не думал, что снова буду работать в институте. Тем более преподавать русский язык. Но однажды увидел объявление в газете, что университет ищет преподавателя русского языка. Позвонил начальнику отдела кадров. Спросил: «Вам нужен преподаватель русского языка?». – «Да». – «Но знаете, мне уже восемьдесят лет». – «Ничего, нашему ректору восемьдесят три года. Он старше вас». Я закричал: «О, какой ректор, храбрый, умный, талантливый! Даже таких стариков принимает на работу». Мне было интересно, какой он человек. Я думал: посмотрим, что он из себя представляет. Через день мне позвонили: «Наш ректор хочет повидать вас и поговорить с вами». – «Ладно, я приду посмотреть на такого храброго ректора, который принимает на работу стариков». Когда мы увиделись, он спросил: «Какой институт окончил?». Я сказал: «Харбинский». Он: «Я тоже Харбинский». Он: «Такого-то, такого-то знаешь?». Я: «Да, это мой друг». И всё. Я сказал: «Я приехал сюда только из интереса – посмотреть на храброго ректора». Он сказал: «Я старше тебя. Я твой старший брат. Ты ещё молодой, не старик, можешь работать не меньше трёх-пяти лет». Я ответил: «Ладно, попробую». А до поступления на работу в институт я преподавал у себя в районе школьникам английский язык. Бесплатно. Почти все потом поступили в институт. Хороший институт.

Я считаю, талант не может возрасти в богатых семьях. В богатых семьях всё есть. Не надо стараться заниматься, работать. Может быть, я бы тогда, у приёмного отца, хулиганом стал. А теперь я профессор. Выпустил несколько тысяч студентов. Я считаю, богатство – это не счастье. Счастье для человека не только деньги. Любовь и дружба тоже играют важную роль, поэтому мне нравится «Анна Каренина». Любовь важнее всего. У русских характер прямой. Русский человек настоящий. Если любовь – так любить. Нет любви – так нет. Русские работают самоотверженно, как мой русский приёмный отец. Он был старый рабочий. Литейщик чугуна. Однажды произошёл такой случай. У нас был очень большой цех. Ящика для литья не хватило бы, так что металл лили не в ящик, а в яму. Сверху положили огромный стальной лист, на него и лили. Много очень металла налили. Мосин думал, достаточно. Между краем листа и землёй оказался зазор. В него сталь протекала на землю. В эти дни шёл снег, дождь. Воздух холодный проникал. А температура литья – две тысячи градусов. Мосин ещё не видел дыру, запах учуял. Мы отдыхали в кабинете. Он мне серьёзно, тайно, сказал: «Володя, будет опасность». – «Почему?». – «Сталь льют на землю. Может быть взрыв». – «Надо сказать директору завода». – «Уже сколько тонн стали налили. Если мы сейчас дадим приказ “стоп”, то получится, много денег выбросили на ветер». Он опять в цех. Снова нюхал. Сразу в кабинет. Написал предложение тут же остановить литьё, а то будет взрыв. Он только написал, я ещё не успел переве-

сти, – грохот. Взрыв! Он плакал: «Бог мой!». Он мне сказал: «Володя, иди в цех смотреть, что там». Я сказал: «Вместе». – «Не хочу. Может быть, много рабочих погибло». Я пошёл, но там в земле было ничего не видно. Везде пыль. А потом узнали: семь рабочих погибли, более двадцати ранено. Из-за этого он заболел, целую неделю лежал в больнице. Не пил, не ел, всё время плакал. Он был настоящий русский человек.

А пять лет тому назад в Гуансийском университете был день русского языка. Меня пригласили приехать. Подарили цветы. Вот на этой фотографии я; это профессор русского языка, старше меня на два года; а это тот самый полукровка Андрей; а это заместитель ректора Гуансийского педагогического университета. Это он срывал с меня рубаху и бил меня. Почти через сорок лет я его не узнал. Старый: «Володя, извините». Я улыбнулся: «Ничего, это уже прошлое». И всё.

Сейчас я живу хорошо. Не богато, не бедно. Я сейчас опять преподаю русский язык, хотя мне 83 года. С детства до сих пор русский язык вместе со мной. Хотя я такой старый, продолжаю работать. Я часто говорю студентам: «Я преподаю вам русский язык. Это в память о моей бабушке. Русский язык – это её язык. Я желаю вам хорошо работать, хорошо заниматься. Вы будете посредниками между народами России и Китая, чтобы эта дружба продолжалась дальше и дальше».

Профессор Володя (крайний справа), полукровка Андрей (второй слева), заместитель ректора Гуансийского педагогического университета (крайний слева). 2009 г.

Десять лет тому назад я написал письмо, где я и что со мной, родственнику, у которого была связь с Тайванем. Когда тайваньцам разрешили к нам приезжать, служащие моего приёмного отца (генерала Лю Шана. – И.Ф.) приехали к нам домой. Когда они увидели маму, сразу встали на колени. Подарили золотые деньги. Тогда я узнал, что случилось с отцом. Он уже умер. Сначала он жил в Индонезии, а потом приехал на Тайвань.

А мой родной отец умер от голода в 1961 году. Тогда он жил в одном городе провинции Хубэй, близко от Уханя, а я в Гуйлине. Он тогда копал уголь, а мама работала няней в детском

саду. Его к тому времени из армии отправили домой. Он вначале работал в магазине, продавал поросят. Тогда было трудно их купить. Один человек дал ему сто юаней, чтобы он ему продал. В отделе безопасности сказали: «Это неправильно», – и отправили его в тюрьму. Конечно, это произошло, из-за того что он был из Гоминьдана. А потом отправили копать руду, и он умер от голода. Тогда ему было 68 лет. А мама ему тоже не могла помогать, она работала няней.

После моей свадьбы мама жила со мной. Мама помогала нашей семье всё время. Выростила моего сына и дочь. Ей было 88 лет, когда она умерла.

Вы спрашиваете, что случилось с моим младшим братом? Когда я учился в институте в Харбине, был таким бедным, что не мог даже купить марки. Стал худым, как бамбук. Когда окончил институт, у меня ничего не было. Только дырявая простыня и термос. На работу ходил в рваных брюках. Русские меня жалели и помогали.

За три месяца до окончания института я сказал: «Когда буду работать, помогу брату». Но он умер. Тем летом было очень жарко. Его школа находилась на берегу реки. А старшая школа была в городе. Но он хотел дальше учиться в Советском Союзе. Но заболел. Три дня была высокая температура. А потом умер. Мама в это время работала няней у одного учителя из этой школы. У него было четверо сыновей. Работа была тяжелая, денег получала очень мало.

Вот такая история одного китайского интеллигента. Я обычный китайский профессор. Я прямой человек. Я благодарен навек России и русскому народу. Никогда их не забуду. Если кто-то против русских – это мой враг. Если у русских какая-нибудь трудность, я самоотверженно помогу.

В этот раз мы заговорили о политике. Я вспомнил, что профессор называл Дэн Сяопина главным коррупционером. Спросил его, почему.

Почему я говорю, что Дэн Сяопин – отец коррупции? Он сказал: «Неважно, кошка чёрная или белая, главное, что она может поймать мышь, поэтому это хорошая кошка». Ещё он сказал: «Неважно, что такое коммунизм и что такое капитализм. Самое хорошее – это зарабатывать деньги». Неважно откуда эти деньги: от капитализма или от социализма. Ещё он сказал: «Тот, кто получает много денег, тот передовой. Его надо принять в компартию». Тогда у простых людей ничего не было – ни прав, ни власти. Они хотят денег. Но откуда, каким образом их получить? Нельзя украсть, нельзя убить – тюрьма ждёт тебя. Только у сыновей и дочерей Дэн Сяопина и его приближённых есть права. У них есть власть. У них есть возможность получить деньги. Тогда по плану разные материалы – сталь, чугун, железобетон – продавались дёшево. Например, тонна стоила сто юаней. Кому-то по плану она выписывалась за сто юаней, а на рынке он уже продавал за тысячу. А у простых людей ничего не было.

Так вместе сосуществовали плановая и рыночная экономика – это первое.

Второе: тогда у нас не было телевизоров и холодильников. Мы не умели их производить. Только экспортировали из Америки и Японии. Если какая-нибудь компания хотела купить телевизоры в Японии, то она должна была получить квоту. Без этой квоты ничего не купишь. А если импортировать за границу наш лес, тоже нужно получать квоту. Без этих квот ничего не сделать: ни купить за границей, ни продать за границу. Кто может получить квоту? Дети Дэн Сяопина и его приближённых.

А третье: покупать землю, чтобы строить многоэтажки. У народа есть земля, но нет денег. Крестьяне продавали свою землю.

Четвертое, например, я руководитель деревни. Я хочу стать руководителем города. Надо дать деньги детям революционеров. Они получали деньги, и всё – руководитель города превращался в руководителя провинции. И поэтому дети революционеров стали богатыми. Они послали свои деньги за границу, в Америку. И сами поехали в Америку. Теперь многие богатые люди там живут богаче самих американцев. Держат деньги в швейцарских банках. Никогда не узнаешь, кто там что спрятал.

Ещё Дэн Сяопин сказал: «Из каждой семьи революционера только один человек может стать чиновником. Остальные должны открывать компании». Старший сын Дэн Сяопина Дэн Пуфан организовал компанию по классу равную министерству. Многие компании дали ему деньги. Он сразу разбогател. Он председатель Всекитайской ассоциации инвалидов. Налог она не платит. Младший сын Дэн Сяопина Дэн Чжифан наворовал много денег и сейчас убежал в Америку. Две его дочери тоже очень богатые. Самые дорогие пароходы на реке Янцзы принадлежат одной из них. Другая владеет крупнейшей компанией недвижимости Poly. Детям Дэн Сяопина можно получить деньги и детям Цзян Цзэминя тоже можно. Цзян Цзэминь учился у Дэн Сяопина. Сейчас сын Цзян Цзэминя управляет связью всего Китая. А Ли Пэн (бывший премьер-министр при Цзян Цзэмине. – *И. Ф.*), конечно, учится у них. Сейчас его сын и дочь руководят энергетикой Китая. А Ху Цзиньтао просто слушает Цзян Цзэминя. Его сын тоже руководит компанией. Ещё Вэнь Цзябао (тоже бывший премьер-министр Китая. – *И. Ф.*). Его сын и жена управляют производством ювелирных изделий. Вэнь Цзябао – известный «артист», он обманывал всех. Мать Вэнь Цзябао уже слепая. Ей, наверное, 90 лет. Она руководит страховой компанией. Эти дети революционеров так делали. А дети руководителей провинций учатся у них. А дети руководителей городов в свою очередь – у них. И даже дети руководителей деревень учатся у детей руководителей городов. Поэтому я говорю, что Дэн Сяопин заложил этот фундамент. Это вся интеллигенция знает. А простые люди не знают.

Си Цзиньпин постепенно начал с этим бороться. Чжоу Юнкан (член Политбюро партии, приговорён к пожизненному заключению. – *И. Ф.*) – родственник Цзян Цзэминя. Люди вокруг Цзян Цзэминя начали падать. Один упал, второй упал...

Это первое, в чём виноват Дэн Сяопин. Второе – площадь Тяньаньмэнь. Туда ехали студенты со всей страны. Выступили против плохих людей. Они были не против коммунистической партии, нет. Они были не против социализма, нет. Только против таких плохих людей. Было жаркое лето. Они сидели там, наверное, дней двадцать. Потом Дэн Сяопин приказал 38-й армии войти в город. Она стояла недалеко от Пекина. Но командующий армией отказался выступать. Он сказал: «Эти студенты – наш народ». Тогда Дэн Сяопин попросил своего родственника Ян Шанкуня, Ян Шанкунь попросил родного брата, который работал в провинции Шаньси, большой армейский начальник, – и он пришёл со своими танками на Тяньаньмэнь и расстрелял студентов. А потом Дэн Сяопин сказал: «Они контрреволюционеры. Мы просто успокоили их». Работа армии – охранять границу. У них нет права убивать народ. Дэн Сяопин поставил очень трудный вопрос перед руководителями Коммунистической партии: убиты контрреволюционеры или контрреволюционеры убили народ. Сейчас никто не может ответить на этот вопрос. Кто контрреволюционер? Кто? Эти студенты – они контрреволюционеры? Они воевали с вами? Они выступали против Коммунистической партии? Они выступали против социализма? Нет, нет, совсем нет. Почему они контрреволюционеры? Значит, они народ. Но убить народ могут только контрреволюционеры. Сейчас Си Цзиньпин против таких людей. Но он тоже не может ответить на этот вопрос, и поэтому молчит.

Я интеллигент. Раньше я не обращал внимания на политику. Я боялся политики. Хотел только хорошо работать и писать книги. А сейчас каждый день я интересуюсь политикой, потому что сейчас политика хорошая. Си Цзиньпин – хороший человек, хороший руководитель. У него такие же идеи, как у тех, кто тогда сидел на площади. Но ему трудно ответить на этот вопрос. Потому что если он скажет, что это было движение контрреволюционеров и вы убили контрреволюционеров, то его спросят: «Вы считаете, что студенты – контрреволюционеры?». Они выступали против Коммунистической партии? Нет. Они против социализма? Нет. У них было оружие? Нет. Они воевали с вами? Нет. Какие же тогда они контрреволюционеры? Значит, они народ. Кто убивает народ? Только контрреволюционеры! Контрреволюционер – не только Дэн Сяопин, но и Коммунистическая партия.

Поэтому я против Дэн Сяопина, против Цзян Цзэминя, против Ху Цзиньтао. Си Цзиньпин хорошо начал. Он сказал: «Вначале я поймаю тигров, а потом уже маленьких мышей». А самые большие тигры – сын и дочь Цзян Цзэминя, сын и дочь Дэн Сяопина, дети Ли Пэна, Вэнь Цзябао. Надо бить их. Они самые большие.

Я работал почти в десяти местах. В Пекине, Харбине, Гуйлине, Чэнду, Ухане, Тайюане, Гуанчжоу. Почему? Потому что начальники Коммунистической партии были почти безграмотные, крестьяне. Они любили тех, кто им прислуживал. Им были не нужны талантливые люди. Я не хотел прислуживать. Если считал, что работа плохая, сразу же увольнялся, а не меня увольняли. Считалось, что декан вначале должен был быть коммунистом, а потом преподавателем. Поэтому он ничего не знал. Мнение у него неправильное, приказы неправильные. А если преподаватель способный, ему нужно каждый день писать, читать, у него нет времени прислуживать декану. Я был против таких деканов. Ехал ещё куда-нибудь. И хотя я уже старый, мне 83 года, работаю самоотверженно, потому что хочу воспитать студентов, чтобы они стали «мостом» между Китаем и Россией. Сейчас я сам декан, но уважаю своих преподавателей, всё время помогаю им не как те неправильные начальники, которые всё время критиковали меня. У меня хороший ректор, он действительно талантливый. Я тоже учусь у него. Получаю маленькую зарплату, но ничего, у меня есть ещё пенсия. Если заболел, бесплатно получу помощь. Я очень устал. Но русский язык спас меня. И сейчас снова работаю как молодой.

P.S. На этот раз я пришёл к профессору со своей женой. При молодой девушке профессор раздухарился. Всё время шутил, залиvisto хохотал. Я спросил его, почему всё-таки приёмный отец забрал его к себе. Чем он ему так понравился? Почему приёмный отец назвал умненьким двухлетнего малыша, который даже не умел говорить? Профессор окончательно развеселился.

– Вы, – кричал он мне, грозя пальцем, – разгадали мой секрет! Только никому не рассказывайте!

И он заново поведал историю своего рождения и усыновления. Только теперь она приняла совсем другой оборот. Я не знаю, какой из вариантов правдивей. Но знает ли это сам профессор? Или его буйная фантазия так преображает реальность, что он сам не отличает правду от вымысла? На это я никогда не узнаю ответа.

Профессор Володя в наше время

Когда моя мама была молодая, она была студенткой. Вместе с другими соучениками она бросила университет и пошла в армию Гоминьдана в начале антияпонской войны. Тогда приёмный отец был их руководителем. И он заметил маму – такая стройная, красивая, воспитанная. И отец пригласил её к себе домой работать. Она работала начальницей всех служанок. А через некоторое время оказалась в положении. Первая, вторая и третья жены сердились. И отослал её далеко, чтобы она вышла замуж. А через два года он специально поехал к нам, посмотрел на меня и привёз к себе домой: «Это мой приёмный сын». Так я стал приёмным сыном генерала Лю Шана, правой руки Чан Кайши.

Вкус друга

Выше я писал про собак. Поедать их – в Китае дело, в общем-то, обычное и привычное. Тот же радатель образования Мэн-цзы ещё две с половиной тысячи лет назад говорил: «Пусть усадьба в 5 му будет обсажена тутовыми деревьями, тогда пятидесятилетние смогут одеваться в шелка! Пусть при разведении кур, поросят, собак и свиней кормят их в надлежащее время, тогда семидесятилетние смогут питаться мясом!». В одном из русских переводов, Л. И. Думана, «собаки», кстати, этично опущены.

Но вообще китайцы едят всё, что движется.

Туша собаки в ресторане. Дунгуань

Гуляю я как-то по парку. Рядом со мной приземляется горлица. Складывает крылья. Не успевает она пройти и пару шажков, как тут же рядом притормаживает мотоциклист, моментально откручивает птице голову, приторачивает её к поясу и уезжает. А наблюдающий эту картину охранник парка ему ещё так приветливо машет.

Или вот, в Москве мне как-то звонит знакомый китаец. Говорит:

– Я голубя поймал. Как вы их готовите?

Я ему:

– Что ты, что ты! Не вздумай есть наших русских голубей! Во-первых, многие у нас и так недолюбливают китайцев, что будет, если вы ещё всех голубей переловите? А во-вторых, у нас экология так себе, голуби отравлены вредными химикатами.

А он мне:

– Да нет, у вас экология куда лучше, чем у нас в Китае!

Так и не знаю, прислушался он к моему совету или нет.

Или вот, подарили мы племяннику моей жены котёнка. Передали через его родителей. Приходим к ним в гости на следующий день – никакого котёнка и в помине нет. Я спрашиваю малыша:

– Где котёнок?

А он:

– Какой ещё котёнок? Не видел никакого котёнка!

А родители отворачиваются в сторону и так воровато облизываются. Племянник продолжает:

– Котёнка не видел, зато суп вчера был вкусный!

Или: позвонил как-то нам дядя жены. Говорит, ехал по дороге, сбил случайно двух собак. Ну не пропадать же добру – подобрал их и зажарил.

Но всё-таки китайская психология остаётся для меня загадкой. Едят они собак – бог с ним. Но как может один и тот же человек есть собак и в то же время по-дружески играть с ними, гулять и возиться? Это всё равно что если бы я, скажем, дружил с неким Петей, гулял и играл, а потом взял бы и сожрал. В голове ведь не укладывается, правда?

Раньше я думал, что есть некое разделение. Одни китайцы поедают собак. Это их давняя традиция. Они даже не подозревают, что собака может быть другом человека.

Но есть другие китайцы, новомодные. Они чинно прогуливаются по паркам с собаками на поводках. И презирают тех, первых, китайцев. Пару лет назад у нас в Южном Китае стало популярным заводить северных собак – аляскинских маламутов, хаски и прочих. Произошло это после того, как китайцы насмотрелись американских сериалов типа «Игры престола», где подобные собаки играли роль сказочных волков. То, что климат для них, мягко говоря, не вполне подходящий, да и характер у этих собак трудный, местные жители как-то не учли. Те из них, кто побогаче и владеет частными домами, посадили собак во дворах на цепи и в клетки. А то, что маламуты и хаски непригодны к сторожевой службе, не умеют пугать прохожих, лаять и кусаться, им тоже невдомёк. В дом собаку пускать не хотят. Ведь она пахнет собачатиной, писает и какает повсюду. О том, что можно научить её справлять свои дела во время прогулки, эти люди тоже не догадываются. Иногда выводят собаку погулять, но не с воспитательной целью, а так, чтобы покрасоваться перед соседями: глядите, какой у меня пёс! За две тысячи американских долларов взял. Погуляют чуть-чуть – и тут же обратно в клетку заталкивают. Говорят, собака и сама гулять не хочет. Ведь на улице жарко. По двору бегать тоже не дают. Ведь северные собаки любят рыть землю. Не дай бог, ещё повредит какое-нибудь ценное растение. Оно тоже не просто так растёт, а чтоб соседи увидели. Не какое-то там обычное растение, а дорогое, за тысячу долларов! Растений этих немного, и высажены они, как правило, вдоль ограды. А сам участок устлан дорогой гранитной плиткой. Так что сидит бедная собака в клетке, гадит под себя и плачет с тоски. Дует ветер, шелестят листья кокосовых пальм. «У-у-у!..», – по ночам несётся со всех сторон по переулкам коттеджных поселков. Китайцы – люди суеверные. Волнуются: собака воет. Это к чему? К чему непонятно, но точно не к добру. Значит, нужно по-быстрому избавиться от такого питомца. Отдать его, скажем, в приют. Так что популярность северных собак пошла на убыль. Теперь их стало намного меньше. Можно спать спокойно. За воротами частных домов сидят тихие пудели и болонки.

Так вот, я полагал, что пожиратели собак и их содержатели – две разные субкультуры. Они абсолютно не пересекаются. А двоюродный брат моей жены содержит ресторанчик, где готовят пищу из собак и кошек. И в то же время ухаживает в своем доме за собакой, да ещё незрячей. Кормит её, поит, играет и возится. Всё как полагается.

Не пойму я этого, честное слово.

Ректор Вася²

С ректором было сложно поговорить.

Он постоянно отказывался: – Не надо про меня писать.

Я не знаю, почему.

Может быть, он боялся. Считал, что разговор коснётся политики. Годы тюрьмы и ссылки не прошли даром. Намертво впечатались в подкорку сознания.

Моя жена понимала его.

– Конечно, он боится, – говорила она. – Он же известный.

Вот и профессор Володя, рассказав историю своей жизни, испугался.

– Не надо ничего публиковать, – говорил он. – Кругом шпионы. Они всё узнают, и вас вышлют из страны.

– Что узнают? – удивлялся я. – Вы же ничего страшного не рассказали. А «культурную революцию» давно уже осудили.

Но он всё равно боялся.

А может быть, ректор просто скромничал. Считал, что не заслуживает, чтобы про него писали.

Но сегодня он пригласил меня поехать вместе на встречу в какую-то очередную Ассоциацию русско-китайской дружбы. Бог знает, чем занимаются эти ассоциации. Целый этаж одинаковых кабинетов в офисном здании. Хозяин, лаобань, с причёской бобриком и короткой массивной шеей. Низко кланяющиеся услужливые сотрудницы с пришитыми на лица улыбками. Таких ассоциаций в городе пруд пруди.

Медленным крабиком наша машина ползёт в пробках.

Ректор перестаёт говорить по телефону.

Замолкает.

Смотрит в окно.

За окном унылые блёклые коробки покрытых туалетной плиткой домов.

Я пользуюсь моментом.

И достаю диктофон.

Ректор вдруг забывает о прошлых отказах.

И начинает рассказ.

Моё русское имя Вася. Меня так называли советские преподаватели. Каждому студенту обязательно давали русское имя. Я учился русскому языку в Харбинском институте иностранных языков. Я поступил в 1950 году, а окончил институт в 1953 году. После этого меня отправили сюда в Гуанчжоу, и я стал преподавателем русского языка в Педагогическом институте. (Сейчас – Южно-Китайский педагогический университет, по-китайски Хуанань шифань дасюе, поэтому китайцы сокращенно зовут его Хуаши. Один из наиболее известных в мире китайских вузов, отобран в специальную программу государственного финансирования «Проект 211». – *И.Ф.*) Работал три года. В 1956 году опять вернулся в Харбин и стал аспирантом у советских специалистов.

Когда я поступал в институт, вступительные экзамены не сдавали. Нужно было просто пройти собеседование. Тогда было так мало учеников в средней школе, что любой из них мог поступить в университет. Собеседование было очень коротким, просто слушали, что и как вы говорите, какие у вас мысли, хорошие или плохие. Я считался передовым студентом. Меня рекомендовал к учёбе в институте Юношеский коммунистический союз Северо-Востока. Ещё

---

² Профессор Хоу Дэфу.

в школе я подпольно вступил в него. Тогда Коммунистическая партия и Гоминьдан боролись друг с другом за то, чтобы занять Северо-Восток. Когда я учился в средней школе, уже был против Гоминьдана. Поэтому меня считали выдающимся студентом.

Я родился в семье большого помещика. Тридцать семей помогали нам обрабатывать землю. Война против японцев кончилась в 1945 году. Когда я учился в начальной школе, то ничего не понимал. Даже не знал, что я китаец. Просто знал, что живу в Маньчжоуго (марионеточное государство, созданное японцами. – *И.Ф.*). Знал, что есть император Пу И. Когда мне было четырнадцать лет, в сентябре 1945-го, Коммунистическая партия заняла Северо-Восток. Моих родственников посадили в одну камеру с Пу И. Отец не получил образования, поэтому он ничего не понимал в политике: за что борется партия, за что Гоминьдан. Знал только, что, если есть лишние деньги, надо купить ещё земли. Земля, земля, земля. Земля у нас была очень обширная, очень много её было. Тогда компартия отбирала землю у крестьян. Когда коммунисты попытались войти в наше село, моя семья их не пустила. Мои дед и отец начали этот конфликт, потому что думали, что коммунисты – это мафия. Мой отец погиб, и моя семья разрушилась. Но я не винил в его смерти компартию. Он сам не понимал, кто прав. У них не было знаний. После этого моему младшему брату пришлось, наоборот, помогать крестьянам пасти коров. Когда я через пять лет вернулся в деревню, я увидел, как моей родне тяжело жить. Нечего есть.

Но тогда я решил уйти. В деревнях хозяйничали коммунисты, в городах – Гоминьдан. Я хотел уйти подальше и от тех, и от других. Я уехал в Шэньян. Начал работать. Эти пять лет я продавал газеты, чистил обувь. Тётя помогла мне вернуться в школу. Она была учительницей средней школы. Её муж, дочери, все работали в школе. После освобождения я решил, что нужно обязательно учиться дальше. До этого учились в основном дети из богатых семей. Бедные дети не могли учиться. Поэтому я очень ценил этот шанс учиться.

Русские преподаватели вели у нас занятия, а китайские просто были ассистентами, помогали нам выполнять задания. Харбинский институт иностранных языков был военным институтом. Ректор был генералом военно-воздушных сил. Нас хотели отправить в Корею переводчиками. Тогда шло противостояние с американцами. Но мы не знали этого. Только через четыре месяца узнали. Тогда СССР помогал нам в войне, нас тренировали советские специалисты, поэтому было нужно много переводчиков. Но когда я окончил университет, война закончилась, и всех выпускников отправили работать в департаменты промышленности и образования.

Когда я учился, СССР считался нашим братом. И я очень гордился, что учу язык брата. Я был старостой группы. Очень старался хорошо учиться. И очень любил Сталина. Хотел быть «мостом дружбы» между Китаем и Россией. Тогда был очень горячим человеком, хотел посвятить свою жизнь компартии.

Когда я приехал в Гуанчжоу, в Педагогическом институте было всего пятьсот студентов, меньше ста преподавателей, из них только десять – двадцать молодых. Мало кто знал русский язык. Я был одним из пяти, считался очень красивым и выдающимся. Ведь я знал не только русский, но и хорошо говорил на мандаринском. А тогда в Гуанчжоу все говорили только по-кантонски. Многие девушки меня любили. Но я был инспектором курса, мне нельзя было вступать в отношения со студентами. Но одна девушка меня слишком любила. За это меня много критиковали, ругали и даже сняли с должности. Это была кантонская девушка. Она уже умерла. После неё я решил, что лучше связать судьбу с северной девушкой. Всё-таки не очень привык к кантонским девушкам. После этого познакомился со своей будущей женой. Она была учительницей в школе. Тоже из семьи помещика. У её семьи реквизировали имущество.

Вася (крайний справа в третьем ряду) с однокурсниками и русскими преподавателями. Харбинский институт иностранных языков. 1953 г.

Вася с женой в молодости

Поскольку у меня была работа, я смог перевезти маму в город. Наша фамилия очень известная у нас в округе, мама тогда жила в нашем родовом селе, где у всех та же фамилия. У меня ещё есть две младшие сестры и два младших брата. Я говорил им, что, если вы хотите

изменить свою судьбу, обязательно надо учиться. Сёстры уже вышли замуж, но братьев я смог уговорить. Один окончил нефтяной институт, сейчас живёт в городе Ланчжоу.

Два года я учился в аспирантуре. Учился очень много, хорошо овладел русским языком. Изучил фонетику, грамматику. Со всего Китая набрали тогда всего двести преподавателей учиться у советских специалистов фонетике и грамматике. И я был одним из них. Очень старался тогда. Когда вернулся обратно, все студенты были очень довольны, что занимаются со мной.

Моя жена поступила на факультет русского языка нашего института. Стала студенткой. Её семья из тех же мест, что и моя, ещё наши отцы были знакомы. Вообще я никогда не забывал о своей родине, о своём родовом селе. Оно существует до сих пор. А в то время там все были без образования. Только я один вышел в люди. Пять лет назад я построил там здание для всех жителей, чтобы они могли проводить досуг, играть в пинг-понг и так далее.

Моя жена младше меня на пять лет. Первого ребёнка она родила в 1958 году, когда была на втором курсе. Когда она кончила Педагогический институт, её отправили работать в Цзинаньский университет преподавателем русского языка. (Цзинаньский университет – один из ключевых китайских вузов, наряду с Хуаши входит в программу «Проект 211». Главный кампус находится напротив Хуаши. – *И. Ф.*) Мы жили вместе в кампусе Педагогического института.

Когда я учился в аспирантуре, началась борьба с «правым уклоном». Из двух тысяч студентов нашего института пятьсот человек зачислили в «правые уклонисты». Несколько дней меня допрашивали: «Ты “правый”?». Я говорил: «Нет, никакой я не “правый”». Я сказал, что никогда не занимался политикой и не буду ей заниматься. Я только учусь у специалистов из Советского Союза. После того как я вернулся на работу в Гуанчжоу, я надеялся всю жизнь спокойно преподавать. Но неожиданно началась «культурная революция». Всех интеллигентов объявили «правыми». Моих коллег задержали и обвинили в том, что они «правые уклонисты». Они это признали. Только я возмутился. Я вышел вперёд и сказал: «Нет! Они все хорошие люди». Их освободили. Но запомнили, что я лидер. Я заступился за них. Значит, я самый плохой. Через какое-то время меня схватили и стали спрашивать, кто мой руководитель. Обвинили меня в том, что я «правый», против Мао Цзэдуна, против «культурной революции». Обвиняли меня в том, что я скрывал своё происхождение, что я генетический враг революции. Меня били железными прутьями в пластиковой оплётке. Я объявил голодовку. Я хотел доказать, что я не «правый». Три дня голодал. Тогда меня перестали бить. Отправили работать уборщиком – мыть туалет, посуду. Даже разрешали уходить домой. Но после того как хунвейбины окончательно победили, меня посадили в тюрьму. Я просидел три месяца.

После тюрьмы меня отправили трудиться в деревню под городом Шаогуань. Каждый день сажал овощи, строил дома, пас буйволов. Принимал роды у буйволиц. Нужно было внимательно за этим следить. Если бы буйволица умерла во время родов, то обвинили бы меня. Тогда я заметил, как мать-буйволица любит своего телёнка. Когда рождается телёнок, буйволица вылизывает его с головы до ног. Я видел, как усердно она это делает, с какой радостью. Все говорят, что буйвол – грязное животное. Но на самом деле это не так – буйвол никогда не гадит там, где сам живёт. Буйвол очень любит чистоту. Я видел, как мать вылизывала своего ребенка, и чувствовал, что это любовь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.